

А.В. КИВА

Многоликость российской модернизации

Представлены разные точки зрения на модернизацию страны, которая в конечном итоге должна превратить Россию в высокоразвитое демократическое государство.

Ключевые слова: модернизация, консерватизм, либерализм, демократия, Россия.

The different points of view on modernization of the country which finally should transform Russia into the advanced democratic state are presented.

Keywords: modernization, conservatism, liberalism, democracy, Russia.

Об основных принципах модернизации страны, сформулированных в интернет-статье президента Д. Медведева “Россия, вперед!”, сказано уже немало. Это комплексная модернизация, которая в конечном итоге должна превратить Россию в высокоразвитое демократическое государство. Получили широкое освещение в СМИ и его шаги по реализации задач, поставленных в Послании Федеральному собранию РФ от 12 ноября 2009 г. Я попытаюсь представить разные точки зрения на модернизацию влиятельных в обществе сил, включая властные круги.

Консервативная модернизация

Такого типа модернизации придерживается партия Единая Россия (ЕР), неформальным лидером которой является премьер-министр В. Путин. Это вытекает как из ее консервативной идеологии, провозглашенной на XI съезде в Санкт-Петербурге в ноябре 2009 г., так и из предыдущей политической практики партии думского большинства. Именно ЕР публично заявила, что и после ухода с поста президента Путина она будет выполнять так называемый “план Путина”, имея в виду его ежегодные Послания Федеральному собранию РФ, которые, однако, не предусматривали переориентации экономического курса с сырьевой направленности. ЕР безоговорочно утвердила антикризисную программу правительства Путина, по которой 200 млрд долл. из валютных резервов направлялись на поддержку близких властям сырьевых компаний и банков, но урезались расходы на науку, образование, высокие технологии. При этом промышленность, по признанию президента Медведева, не получила вовремя реальную финансовую поддержку от государства и оказалась в критическом положении. Так, по данным Росстата, промышленное производство в 2009 г. упало на 16%, что явилось самым большим падением за последние 15 лет. В декабре 2008 г. оно уменьшилось по отношению к декабрю 2007 г. на 10,3%. Из стран БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай), из “большой восьмерки” (G-8) и из “двадцатки” наиболее быстро развивающихся стран (G-20) больше всех от кризиса пострадала Россия. Даже в США,

Кива Алексей Васильевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН.

которые спровоцировали мировой кризис, ВВП в 2009 г. уменьшился лишь на 2,4%, в то время как в России – на 7,9%. Это по данным Росстата, а независимые эксперты считают, что и того больше. *De facto* своей финансовой политикой ЕР заблокировала курс президента Медведева на инновационное развитие экономики.

Вот, например, что сказал по поводу консервативной модернизации И. Юргенс: “Буквально через пару дней после того, как президент выступил с идеей комплексной модернизации, в Санкт-Петербурге собралась правящая партия. И определила, что эта модернизация должна быть... консервативной. Для меня это то же самое, что горячий снег. И если Юрий Бондарев, наш великий писатель, доказал, что в Сталинграде был снег горячим, то эти ребята мне не докажут, что консервативно можно модернизировать то, что и так уже заскорузло. Разговор есть, а дела нет. Боятся, что раскочерится лодка. Мы тоже не хотим всплесков и потрясений. Но знайте, что нельзя одними технологическими новациями отделаться от народа и сказать, что это модернизация” [Юргенс, 2006].

Но что означает на практике консервативная модернизация? Это модернизация в рамках существующей властной вертикали, политической системы, экономической и социальной политики и нынешней команды. Модернизация неспешная, не ведущая к перераспределению общественного продукта в пользу инвестиций, введению существующего во всем цивилизованном мире прогрессивного налога с дохода физических лиц с целью ограничения создания огромных личных состояний и преодоления гигантской пропасти между богатыми и бедными. Иначе говоря, это такая модернизация, которая исключает мобилизацию общества для рывка страны в новую экономику по типу того, как это происходило в Японии, Южной Корее, а ныне происходит в Китае. Следовательно, она не в состоянии вывести страну за рамки инерционного сценария развития. Мир еще не знает случаев, чтобы страна, сильно отстающая от развитых стран, без напряжения могла бы их не только догнать, а хотя бы сократить темпы своего отставания.

В инерционном развитии экономики, кроме немалой части депутатского корпуса, безусловно, заинтересованы сырьевая олигархия, сросшееся с ней чиновничество и их интеллектуальная обслуга, то есть практически бо́льшая часть правящей и околовластной элиты. Заинтересовано в ней и правительство, коль скоро оно в центр внимания ставит не модернизацию промышленности и развитие высоких технологий, а строительство новых трубопроводов для прокачки нефти и газа в развитые страны и в Китай.

Инерционно само мышление чиновников, если учесть, что запасы рентабельно добываемой нефти у нас скоро закончатся. В США, Китае, странах Евросоюза принимаются меры по диверсификации источников углеводородов и ведутся работы по получению альтернативных видов энергии. Например, в США принята крупномасштабная программа строительства солнечных батарей в пустынях южных штатов, и уже идет быстрое наращивание производства топлива из горючих сланцев, мировые запасы которых, по оценкам, в 7–8 раз больше всех выявленных запасов нефти. Китай следует тем же путем и наверняка развернет более широкое использование солнечной энергии, учитывая, что на его территории и на территории сопредельных стран, в экономику которых он вкладывает капитал, есть огромные пустынные пространства с абсолютным преобладанием солнечных дней в году. Но возможно появление и принципиально новых источников энергии.

Консервативная модернизация в период застоя – это поистине оксюморон

Путин, еще только став премьером, публично заявил, что если мы не переведем экономику на инновационный путь развития, то скатимся на задворки мировой цивилизации. А что в результате? Состояние нашей экономики подробно и всесторонне обсуждалось на научной сессии Общего собрания РАН 16–17 декабря 2008 г., где отмечалось опасное для судеб страны и с каждым годом углубляющееся от-

ставание от высокоразвитых стран. Так, академик Е. Велихов подчеркивал, что по уровню суммарной производительности труда Россия отстает от США в 100 раз, а по внедрению в промышленность компьютеров – в 1000 раз! Академик Р. Нигматулин, сравнивая нынешнюю ситуацию с ситуацией в советские годы, заявил: “Я верю, что сейчас, на нашем Собрании, есть люди масштаба Вернадского и Иоффе. Но нет курчатовых и нет зельдовичей. Эти люди, эти таланты вытеснены из нашей среды. И они сейчас занимаются в банках, торговле и в других сферах... В России привыкли говорить об экономическом росте после 1999 г. Я лично считаю, что на самом деле это время потерянных возможностей, потому что мы потеряли машиностроение, мы потеряли авиастроение, потому что мы едва-едва производим четыре-пять самолетов (а производили 125), радиопромышленность, телевизоры, лекарства и т.д.” [Научная... 2008].

В. Иноземцев приводит данные о глубоком падении в постсоветский период производства конкретных видов промышленной продукции, порой в десятки раз. Даже выпуск цемента уменьшился в полтора раза. Не лучше обстоит дело и с инфраструктурой. Например, ввод в действие новых автодорог с твердым покрытием сократился в 86 раз! [Иноземцев, 2010]. Число автомашин за счет импорта увеличилось в несколько раз, а протяженность автодорог, их качество остались примерно на том же уровне, что и в 1990 г. Это, между прочим, одна из главных причин частых ДТП. Застыл в своем развитии и железнодорожный транспорт. Но можно ли строить инновационную экономику без развитой инфраструктуры? Вопрос риторический. В Китае заговорили об “экономике знаний” только после того, как страна завершила индустриализацию, необыкновенно быстрыми темпами развила транспортную систему, построила современные порты и аэропорты, добилась немалых успехов в развитии всей логистики.

В печати часто приводятся факты продолжающегося “усыхания” потенциала страны и нарастания негативных тенденций в социальной и духовно-нравственной сфере. Агентство РИФ, ссылаясь на источники Интернета, приводит длинный список мест, занимаемых Россией в мировой “табели о рангах”. Вполне допускаю необъективность по отдельным позициям со стороны соответствующих рейтинговых агентств, но в целом, на мой взгляд, в нем отражена реальная картина страны, которая “поднимается с колен”, но при этом неуклонно пятится назад. Так, первые места мы занимаем: по абсолютной величине убыли населения; по количеству самоубийств среди пожилых людей; по числу разводов и детей, рожденных вне брака; по числу детей, брошенных родителями; по количеству самоубийств среди детей и подростков; по смертности от заболеваний сердечно-сосудистой системы; по числу пациентов с заболеванием психики; по объемам торговли людьми; по количеству абортот и материнской смертности; по объему продаж крепкого алкоголя; по потреблению спирта и спиртосодержащей продукции; по темпам роста табакокурения; по числу курящих детей; по темпам роста ВИЧ-инфицированных; по количеству авиакатастроф (в 13 раз больше среднемирового уровня); по количеству ДТП и т.д. 15-е место мы занимаем по числу пользователей Интернета; 16-е – по ВВП; 21-е – по числу запатентованных изобретений; 27-е – по качеству образования; 32-е – по состоянию экологии; 43-е – по конкурентоспособности экономики; 51-е – среди наименее коррумпированных стран; 57-е – по качеству жизни; 62-е – по уровню технологического развития; 70-е – по использованию информационных и коммуникационных технологий; 71-е – по уровню развития человеческого потенциала; 72-е – по расходам государства на человека; 97-е – по доходам на душу населения; 120-е – по уровню экономических свобод; 127-е – по показателям здоровья населения; 134-е – по продолжительности жизни; 175-е – по уровню физической безопасности граждан; 182-е – по общему коэффициенту смертности среди 207 стран мира (http://www.rf-agency.ru/acn/reiting_ru.htm).

Символом каждой исторической эпохи являются грандиозные проекты, о которых говорит вся страна. В советский период у нас было много таких проектов. Это, безусловно, индустриализация, ядерный, космический проекты, строительство крупнейших гидроэлектростанций, “большая химия”, целина, БАМ и целый ряд других. А какие масштабные проекты известны сегодня обществу? Это строительство элитарного курорта мирового уровня в Сочи в рамках создания инфраструктуры для однократного проведения зимней Олимпиады в 2014 г. (По некоторым оценкам, оно может обойтись стране в два–три раза дороже, чем предполагалось, – в 600–900 млрд руб.). Вторым масштабным проектом стало создание инфраструктуры для однократного проведения саммита АТЭС в 2012 г. на острове Русский близ Владивостока. Подсчитано, что расходы на это могут составить около 300 млрд рублей [Business... 2009].

Возникает вопрос: почему же консерваторы из ЕР – партии парламентского большинства как народные избранники могли одобрять такую финансовую политику правительства, которая привела к затуханию экономического и научно-технического прогресса? Неужели они не понимали, что если вкладывать деньги не в национальную экономику, а в американские и иные западные ценные бумаги и банки, тратить их на трехстепенные цели и просто прожигать, то мы как страна не сможем нормально развиваться? Или, может быть, они принимали рост российского ВВП за счет роста цен на мировых рынках на экспортируемое сырье за развитие? Еще Й. Шумпетер предупреждал, что рост ВВП не есть развитие. При этом он приводил очень простой пример: если увеличить число производимых колясок с двух до четырех, то это будет рост, а если вместо двух колясок создать два автомобиля, то это будет развитие.

Но “единороссы” на деле не консерваторы. Среди них немало достойных людей, болеющих за страну и талантливо, честно и самоотверженно работающих на ее благо. Однако немало и заботящихся исключительно о своей корысти временщиков, которые по команде вчера называли себя центристами, сегодня – консерваторами, а завтра – “как скажут”. Поэтому и голосуют “как скажут”.

Консерватизм – это идеология правобуржуазных партий, таких, например, как ХДС/ХСС Германии, Либерально-демократическая партия Японии, консерваторы Британии. При правлении этих партий в ФРГ и Японии произошло “экономическое чудо”. А премьер от консервативной партии М. Тэтчер, преодолевая мощное сопротивление профсоюзов, выдерживая острейшую критику со стороны своих политических противников, железной рукой осуществила модернизацию экономики, после чего Англия вошла в число быстрорастущих европейских стран.

В России бóльшая часть правящей элиты не ощущает своей ответственности за будущее страны, произошла деформация нравственности. Писатель Ю. Поляков в интервью “Комсомольской правде” сказал: «Сейчас мы уже имеем целое поколение служивого люда, который свою карьеру рассматривает только в материальной плоскости. И им абсолютное наплевать, что будет с государством, которое позволяет им делать эту карьеру. Это самый опасный симптом... Или взять “вахтовый метод”, изобретенный нашими олигархами. Заработал здесь, а гуляю в Куршевеле. В футбол играю в Англии, вилла у меня в Америке... И никто этого не скрывает. Наоборот, гордятся. И ведь так ведут себя не только олигархи, а и высшее чиновничество» [Поляков, 2009].

Юргенс приводит такие данные: 400 тыс. россиян имеют работу в Москве, Санкт-Петербурге, Тюмени, Нижневартовске, а живут в Софии, Варшаве и ряде других городов, работают же посредством Интернета; 300 тыс. россиян владеют квартирами в Лондоне, примерно столько же – в Берлине, 250 тыс. – в Париже, но больше всего – в США [Модернизация...]. Правда, Юргенс дает этому факту иное объяснение: в России этим людям некомфортно жить. А может быть, немалая часть элиты не верит в Россию и заранее готовит “запасной аэродром”?

Либеральная модернизация

Либеральная модернизация многолика. Попытаюсь выделить разные подходы.

1. Сторонники *спонтанной модернизации*, но только в сфере экономики. Носителей идеи экономического либерализма немало во власти. Это прежде всего министры экономического блока во главе с вице-премьером и министром финансов А. Кудриным, которые *de facto* продолжают следовать предписаниям “Вашингтонского консенсуса”, построенным на неолиберальной теории М. Фридмена: “рынок все расставит по местам”. К чему привела их политика, мы знаем. Причины деградации России как промышленной державы с развитой наукой и отдельными отраслями высоких технологий точно назвал член-корреспондент РАН Р. Гринберг: “Настоящая причина одна – инфантильно-провинциальная философия рыночного фундаментализма, овладевшая властными российскими кругами, твердо усвоившими одно: рынок сам все отрегулирует. Он и отрегулировал: все, что не обещало немедленного обогащения, оказалось закрыто или заброшено” [Гринберг, 2009⁶].

Министры экономического блока, даже при активной поддержке монетаристов различных ведомств, научных центров и их западных коллег, вряд ли смогли бы навязать стране такую экономическую политику, если бы ее не поддерживал Путин. Как дипломатично выразился Гринберг, “нужно констатировать, что мировоззрение президента, как это ни печально, больше тяготеет к школе саморегулирования”. И далее Гринберг пишет: «...как у нас, так и на Западе, констатируют серьезный откат от демократических ценностей. Но тут же добавляют: зато президент наконец-то получил возможность быстро и беспрепятственно провести либеральные экономические реформы. Вроде, нет худа без добра. Но что такое для нас либеральная модернизация? Либеральная модернизация – это значит, что после пятнадцатилетнего обнищания надо и дальше работать в этом направлении. Идти, следовательно, на очередные “непопулярные меры”. Что значит “непопулярные меры”? Непопулярно будет основной массе, а не тем, кто их будет проводить. Для последних же главный вопрос – что можно еще сделать, чтобы свести бюджетные обязательства к минимуму. Пропагандируется самый настоящий зоологический капитализм» [Гринберг, 2004].

С тех пор, как написана эта статья, прошло несколько “тучных” лет, когда нефтедолларовый дождь лил, как из ведра, и что-то доходило и до простых граждан. Но, как пишет член-корреспондент РАН С. Рогов, по части социальных расходов “мы тратим в 15–20 раз меньше на душу населения, чем Штаты или Европа” [Рогов, 2009, с. 8].

Что же касается либеральной модернизации экономики, то, перепрыгнув через необходимые этапы перевода государственной закрытой экономики на рыночные рельсы, мы получили не либеральную, а монополизированную экономику, вместо конкуренции – картельные сговоры, постоянный рост затрат на единицу производимой продукции. Получили такой взрыв коррупции, откатов и пр., что нам новое строительство обходится в несколько раз дороже, чем в США и странах Запада, и во много раз дороже, чем в Китае. И вот пример. В книге “Принуждение к инновациям” приводятся следующие данные: 1 км автостреды в США стоит от 2,5 млн долл. до 7,5 млн, в России – 32 млн долл. (Краснодар–Новороссийск), 40 млн (новая кольцевая дорога в Московской области), 53,4 млн (магистраль Москва–Петербург), 148,1 млн долл. (скоростная дорога в Санкт-Петербурге). Даже если сделать скидку на наши отсталые технологии и климатические условия, то все равно расходы кажутся запредельными [Принуждение... 2009].

2. Сторонники “*идеологизированной*” либеральной модернизации имеют определенное влияние в обществе, в особенности в кругах либералов-западников. Как говорит Гринберг, раньше мы слышали о том, что учение Маркса всесильно, потому что верно. А теперь нам говорят, что у Фридмена и Ф. фон Хайека написано то-то и то-то, и это надо делать [Гринберг, 2009⁶]. Примерно то же самое, но уже конкретно о Кудрине, говорил, например, М. Хазин, который пытался доказать ему ошибочность проводимой финансовой политики, но в ответ слышал, что это противоречит принципам

неолиберальной теории, а точнее – “Вашингтонскому консенсусу”. Когда несколько лет назад академик РАН Л. Абалкин сказал, что Кудрин следует этим принципам, то мне пришлось выяснять, с кем же достигнут этот “консенсус”.

На деле оказалось, что это скорее диктат, чем консенсус. Появление рекомендаций из десяти пунктов экономиста Дж. Уильямсона из вашингтонского Института международной экономики для латиноамериканских стран совпало с развалом социалистической системы, и Вашингтон через Всемирный банк, но прежде всего Международный валютный фонд (МВФ), стал навязывать их бывшим социалистическим странам, включая Россию. Это строгая финансовая дисциплина; ограничение госрасходов социальной сферой и инфраструктурой; снижение ставок налогов; либерализация финансовых рынков; свободный обменный курс национальной валюты; либерализация внешней торговли; открытие страны для иностранных инвестиций; приватизация; дерегулирование экономики; защита прав собственности. Несмотря на то, что многие видные американские экономисты доказали несостоятельность рекомендаций “Вашингтонского консенсуса” для стран с переходной экономикой, и их реализация в России имела катастрофические последствия, идеи этого “консенсуса”, похоже, у нас живы по сей день.

3. Со сторонниками либеральной модернизации в чем-то расходятся, а в чем-то и смыкаются *ученые Института современного развития (ИНСОР)*. Доклад “Россия XXI века: образ желаемого завтра” от имени его председателя И. Юргенса и члена правления Е. Гонтмахера создает впечатление, что авторы решили заявить о своей личной позиции. Поскольку многие члены правления ИНСОРа, включая Гринберга, В. Липицкого и ряда других, как мне представляется, вряд ли подписались бы под таким документом. При этом не ясно, будет ли данный документ помогать президенту Медведеву в решении задач по модернизации страны и как он будет воспринят в обществе. В нем нет ни стратегии, ни тактики перемен, а лишь мечтания. Доклад вызвал жесткую критику со всех сторон, включая и сторонников демократической ориентации. Сомнительна сама методология, когда авторы в качестве отправной точки берут не злободневные проблемы и пути их решения, а светлое будущее, которое наступит (если наступит) неизвестно когда и которое, как две капли воды, похоже на настоящее стран Западной Европы.

Вызывает сомнения и метод – на многие годы и десятилетия вперед моделировать нашу экономическую и политическую систему, структуру силовых ведомств, включение России в Евросоюз и НАТО. Как будто авторы доклада не знают, что в мире есть силы, в том числе в нашей стране, которые хотели бы поссорить Россию, находящуюся на стыке Европы и Азии, с быстрорастущими восточными странами-гигантами, и прежде всего с Китаем. Между тем национальные интересы России требуют проводить многовекторную политику, не смещаясь в сторону ни Запада, ни Востока.

Сама идея приоритета демократии над развитием и сомнительна, и неосуществима. В ходе дискуссии в ИНСОР по этому докладу Гонтмахер сказал: “Модернизация сейчас, в условиях несвободы, в принципе нереализуема. Сейчас, в постиндустриальную эпоху, такого не бывает. Переход в сторону этатизма, культа власти в новом мире заведомо непродуктивен... Обновление политической системы становится обязательной составляющей модернизации. Это пункт, на котором мы настаиваем. Он недостаточен, но он необходим. Модернизация, начавшись в политике и распространившись на повседневные практики, откроет возможности свободной самореализации наиболее активных и продуктивных категорий граждан, привлечения массовых инвестиций в виде умов и рук. От политики к экономике и наоборот” [Модернизация...].

На мой взгляд, здесь мы видим абсолютный отрыв от массовых настроений, от соотношения сил в стране и ее исторической практики и даже от понимания того, есть ли в стране силы, на которые можно опереться при проведении такой политики. Надо учитывать, что идеи демократии и либерализма, дискредитированные в 1990-е, отторгаются большинством россиян. А ссылка Юргенса на то, что и президент Медведев стоит за комплексную модернизацию, ничего не меняет, поскольку президент,

напротив, не ставит телегу впереди лошади: он говорит, что совершенная политическая система и развитая демократия вырастают из зрелых экономических и социальных отношений.

О том, что нашему развитию мешает отсутствие реальной оппозиции, реальной свободы прессы, реального разделения властей, свободных выборов, ущербная кадровая политика опоры на “своих”, многие говорят уже давно. Но это, во-первых, не значит, что в нынешних условиях невозможно проводить модернизацию. Ее начинали гораздо в худших условиях в Южной Корее, на Тайване и ряде других стран и в конечном итоге добились огромных перемен, в том числе в области политических прав и гражданских свобод. Я уже не говорю о том, что “массовые инвестиции в виде умов и рук” идут в такие страны, как Китай, где есть не демократия, а стабильность, порядок, четкие правила игры, гарантия частной собственности, личная безопасность и, разумеется, выгода. Во-вторых, почти везде модернизация начинается с экономики и при самом активном участии государства. В-третьих, нельзя ожидать от президента Медведева чуда. Даже если бы он отправил в отставку нынешнее правительство, которое действительно тормозит модернизацию, то это не значит, что оно не вернулось бы уже после ближайших общенациональных выборов, чему порука – сохраняющийся наиболее высокий рейтинг Путина. Поэтому никакие быстрые перемены в сторону западной представительной демократии у нас невозможны без изменения массового сознания, все еще во многом царистско-вождистского. А оно будет меняться тем быстрее, чем успешнее будет развиваться экономика.

Это не означает, что мы уже сейчас не можем требовать, чтобы власти разных уровней соблюдали Конституцию в части, касающейся прав и свобод граждан, наводили порядок, более решительно борясь с преступностью, милицейским и чиновным произволом и убивающим всякое живое начало бюрократизмом, с “выборочным правосудием”. Наконец, надо ставить вопрос о принятии закона, запрещающего скрытую манипуляцию массовым сознанием, с помощью которой можно заставить людей голосовать за того или иного политика или партию [Аргументы... 2009, с. 39].

Модернизация на основе знаний, опыта и здравого смысла

На таких позициях стоит академическая наука. Ученые уже давно предупреждали власти о необходимости смены экономического курса, который неизбежно заведет страну в тупик. Еще в 2001 г. член-корреспондент РАН С. Курдюмов и Г. Малинецкий писали: “Проведенный анализ показал, что в десятилетней перспективе сложной социально-экономической системе, каковой является мир России, угрожает коллапс. Системный кризис подвел страну к черте, где закритический износ основных фондов ведет к череде техногенных и социальных катастроф, рост цен на энергоносители – к окончательному уничтожению обрабатывающей промышленности, повышение транспортных тарифов – к необратимому распаду страны. При сохранении нынешних тенденций произойдет окончательная утрата суверенитета, распад страны, уход российского этноса с исторической арены” [Малинецкий, Курдюмов].

Академик Абалкин в интервью Агентству федеральных расследований в 2006 г. подтвердил свой прогноз пятилетней давности, который он сделал в отношении будущего России в первом издании книги “Россия: поиск самоопределения”. Речь идет о возможных трех сценариях развития России: превращение ее во второразрядную державу с сырьевой направленностью экономики; гибель страны как целостного государства; возрождение былого величия и славы, но через очень большой промежуток времени и при особо благоприятном стечении обстоятельств (<http://www.flb.ru/info/39625.html>). Годом раньше академик Нигматулин в интервью “Хронографу” заявил, что “перед Россией всего три пути. Первый, в который мало кто верит, – страна найдет силы и сменит курс. Второй – случится социальный взрыв. И третий – деградация российской цивилизации и российского стандарта жизни” (<http://www.mkset.ru/news/chronograph/228/>). Академик Т. Заславская в интервью еженедельнику “Аргу-

менты и факты” в мае 2006 г. отметила: “Самая опасная ситуация связана с нефтью. Цены абсолютно неестественные. Они не могут долго сохраняться такими... Но даже независимо от нефти, по прогнозам ученых, та жизнь, которой мы сейчас живем, продлится максимум 15 лет. Система, которая сейчас сформировалась, относительно стабильна, но обладает слишком малым потенциалом и перевернется, как матрешка. В ней накапливаются центробежные силы. Ученые опасаются, что что-то произойдет” [Заславская, 2006]. Этот прогноз частично уже сбывся.

Член-корреспондент РАН Гринберг предупреждал: пройдет еще несколько лет, и окончательно будет растрянжирено и разрушено все более или менее перспективное в советском наследии. Увы, это уже почти случилось. С. Капица не раз напоминал властям, что скоро Россия останется без большой науки и высоких технологий, что неизбежно скажется на ее обороноспособности. Многие ученые и специалисты били тревогу по поводу упадка промышленности, особенно машиностроения, потери кадров не только инженерно-технических работников, но и квалифицированных рабочих. Власти на все это не реагировали. И вот результат. А годы затянулась отработка межконтинентальной баллистической ракеты морского базирования “Булава”; сами уже не можем создать истребитель пятого поколения, а будем строить его совместно с Индией; купили или собираемся закупать беспилотные самолеты у Израиля и кораблевертолетоносцы – у Франции. Широко разрекламированный гражданский среднемагистральный самолет “Сухой Суперджет-100” на деле – продукт многих стран и только должен собираться в России. Остро не хватает обученного персонала даже для работы по модернизации давно проданного Индии тяжелого авианесущего крейсера.

Подобных примеров много. Но какие напрашиваются выводы? Во-первых, ученые остро чувствуют, что страна идет по ложному пути. Во-вторых, они осознают, что если срочно не поменять нынешний курс, то трагедия неминуема. В-третьих, они видят, что консервативный сценарий – это все тот же гибельный для страны инерционный курс. Наконец, ученые отдают себе отчет в том, что смена курса, подъем реального сектора экономики, поворот ее в сторону инноваций потребуют огромного напряжения сил и средств страны и общества и растянутся во времени. По масштабам решаемых задач и по охвату участвующих в них сил общества такая модернизация будет сопоставима только с индустриализацией в советские годы.

Что предлагают российские ученые? Начну с дискуссии по поводу модернизации России, которая проходила в мае 2007 г. в Рио-Центре (Центр развития информационного общества), который был предшественником ИНСОР и тоже возглавлялся Юргенсом. Там было немало интересных выступлений по поводу разных сценариев развития России в 2008–2016 гг. И уже тогда обозначилась та позиция, которая нашла отражение в докладе “Россия XXI века: образ желаемого завтра”. Так, некоторые авторы говорили, что без современных институтов, без укрепления права собственности, без обуздания коррупции и т.д. развитие страны невозможно. Академик В. Полтерович высказал свои соображения о закономерностях развития стран переходного периода. Вот в сжатом виде то, что он сказал: “Есть совершенно очевидная последовательность: сначала институты, права собственности, а потом уже стимулирование роста. Она настолько очевидна, что против нее, казалось бы, трудно возразить. Беда только одна – эта идея абсолютно неверна. Фокус в том, что мы можем проверить это только одним способом: мы должны посмотреть, что делали догоняющие страны, те страны, которые реально преуспели в решении этой задачи. И мы обнаруживаем, что ни в одной из них на начальных этапах не было хорошо защищенных прав собственности, они совершенно не имели корпоративного управления, устроенного в духе западных стран, и т.д. Какую бы мы страну ни взяли: Японию, Тайвань, послевоенную Францию, современный Китай – там все шиворот-навыворот, права собственности не защищены и т.д. Вот это, мне кажется, ключевая вещь. Нельзя рассчитывать, что мы скоро улучшим институты, а потом получим возможность стимулировать рост. Здесь нужно действовать пошаговым образом – делать то, что получается. Получается улучшать институты – прекрасно, не получается – надо стимулировать рост... Причинная

связь между институтами и ростом есть, но она двусторонняя... Когда у вас хорошие институты, вы имеете шансы на быстрый рост, когда вы быстрее растете, вам легче улучшать институты. Это доказано теоретически, есть и эконометрические расчеты” (<http://www.c-society.ru/wind.php?ID=3158888&soch=1>).

”**Академический консенсус**” – это, разумеется, не более чем метафора, но общность взглядов на проблемы модернизации России большинства ученых РАН, а также многих исследователей и экспертов, не работающих в академической системе (В. Иноземцев, Н. Кричевский, А. Привалов, М. Хазин и др.), не стопроцентна, но действительно велика. Я вижу ее в следующих позициях.

1. Модернизация экономики практически всех новых индустриальных стран началась и многие годы проводилась в условиях авторитарных режимов, и Россия тоже вполне может начинать модернизацию в условиях, которые есть на данный момент.

2. Строительству инновационной экономики должна предшествовать или идти одновременно с ним реиндустриализация. Без развитой промышленности инновации не найдут широкого применения в стране и будут уходить в развитые страны. Только в условиях индустриальной страны можно сформировать человеческий ресурс для инновационной экономики.

3. Роль государства в процессе модернизации очень велика и широко распространенные антиэтатистские настроения среди экономистов либеральных взглядов контрпродуктивны.

4. Необходимы индикативный план развития и промышленная политика.

5. Науку и научно-техническую инфраструктуру надо возрождать, даже если на первых порах модернизации ее востребованность все еще сырьевой по преимуществу экономикой и не будет велика. Как сказал академик В. Захаров, без науки “не способная идти в ногу с техническим прогрессом страна станет беспомощной в военном отношении. Через десять–пятнадцать лет произведенное нами оружие будет относиться к будущим стандартам, как арбалет к автомату. Или мы надеемся покупать также военные технологии?!”. Захаров привел такой пример: бюджет РАН с ее двумястами научно-исследовательскими институтами и центрами, архивами и библиотеками примерно равен бюджету одного “хорошего американского университета”, коих в США более сотни (<http://www.imepl-eurasia.ru/baner/zaharov.doc>).

6. Выборочный подход к инновациям (космические, ядерные и нанотехнологии) большинство ученых не считают правильным для такой страны, как Россия: нужно развивать высокие технологии по широкому спектру, не ставя во главу угла только конкурентоспособность.

7. Низкий уровень зарплаты российских граждан по отношению к ВВП – не только острая социальная проблема, но и тормоз экономического развития.

8. Государство принимает неадекватные угрозе будущему страны меры по борьбе с “вымиранием России”. Помимо совершенствования системы медицинского обслуживания и усиления пропаганды здорового образа жизни россиян, необходимы хорошо проработанные решения проблемы детской беспризорности и безнадзорности и бродяжничества (“бомжи”), а также восстановление существовавшей в СССР системы борьбы с алкоголизмом и резкое ужесточение наказаний торговцам наркотиков.

9. Резкое падение духовности и нравственности, широкое распространение “пофигизма” связано не только с появлением в стране “дикого капитализма”, но и с разлагающим влиянием на общество, и особенно на молодежь, многих каналов телевидения. Бесконечные сцены насилия, примитивизм, подмена героев антигероями, культ денег, богатства, красивого и беззаботного времяпрепровождения – не та среда, в которой совершаются великие перемены. Государство должно этим озаботиться.

10. Не меняя политической системы, тем не менее можно модифицировать нашу властную вертикаль таким образом, чтобы она давала простор развитию, а также пересмотреть те законы и подзаконные акты, которые принимались для консервации *status quo*, а не для модернизации. Мировой опыт показывает: быстрое развитие страны больше зависит от дееспособной власти и правящего класса, чем от того, демокра-

тичен или авторитарен режим. Именно этим в первую очередь объясняется “экономическое чудо” Китая.

11. Многие ученые считают, что Россия не готова к вступлению в ВТО: она больше теряет, чем приобретает.

* * *

В мире еще не было случая, чтобы развитая страна почти на 20 лет затормозила свое развитие, причем в эпоху очень быстрых перемен. Теперь одновременно приходится решать две грандиозные задачи: реиндустриализацию и технологический переворот. Практически во всех оценках перспектив объявленной президентом Медведевым радикальной модернизации стоит вопрос о ее субъектности. При ее явной слабости решающую роль могла бы сыграть личность президента, обладающего, согласно Конституции, огромными властными полномочиями. Но это может произойти только тогда, когда и элита, и народ осознают императивный выбор: либо модернизация, либо уход России с исторической сцены. Наш народ быстро избавляется от равнодушия и инертности, обретая энергию и решимость, только в периоды смертельной опасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аргументы и факты. 2009. № 38.

Гринберг Р. Интервью радиостанции “Голос России”. 2009^б. 28 октября.

Гринберг Р. Философия кубышки. Российская экономика: промежуточные итоги // Свободная мысль. 2004. № 4.

Гринберг Р. Шансы: третья улыбка фортуны // Ведомости. 2009^а. 1 июля.

Заславская Т. Где границы свободы? // Аргументы и факты. 2006. № 14.

Иноземцев В. Где мы находимся? // Ведомости. 2010. 11 января.

Малинецкий Г.Г., Курдюмов С.П. Нелинейная динамика и проблемы прогноза (http://www.keldysh.ru/departments/dpt_17/neldim.htm).

Модернизация сейчас, в условиях несвободы, в принципе нереализуема. Дискуссия по докладу ИНСОР “Россия XXI века: образ желаемого завтра (<http://slon.ru/articals/257343/>).

Научная сессия Общего собрания РАН. 2008. 17 декабря.

Поляков Ю. Советские карьеристы думали о стране, а нынешним на нее наплевать // Комсомольская правда. 2009. 6 марта.

Принуждение к инновациям: стратегия для России. Сборник статей и материалов под редакцией В.Л. Иноземцева (http://www.inozemtsev.net/doc/verf/1264502152_Modernization_Dec2009.pdf).

Рогов С. Почему Россия не США и не Норвегия? // Аргументы и факты. 2009. № 15.

Юргенс И. Не хотите модернизироваться? Тогда не стоните, как в 90-х: разломали страну, разгромили // Комсомольская правда. 2006. 16 февраля. Business FM. 2009. 4 марта.